

АЛГОРИТМ ВЫЖИВАНИЯ

КНИГА 2. ДНЕВНИК ТОМАСА

Jack Stails & Voindin

Jack Stails

Дневник Томаса

<https://litres.ru/74495049>

SelfPub; 2026

Аннотация

Томасу было семь, когда погас свет. Вместе с матерью он ушёл под землю — в карстовые пещеры, куда ещё до Катастрофы готовились те, кто видел, к чему всё идёт. Тридцать лет в кромешной тьме, под строжайшим запретом любой электроники. Тридцать лет страха перед дронами, которые, может быть, всё ещё патрулируют небо.

Когда они наконец вышли на поверхность, мир был другим — живым, заросшим, молчаливым. Из пещерных жителей выросла община с паровыми машинами, ручными генераторами и железным законом: «Машина должна ездить, а не думать». Томас стал её лучшим инженером — строил тоннели, паровозы, дирижабли. И шестьдесят лет носил в кармане пластикового динозавра с потухшим диодом — единственную нить, связывавшую его с миром, который он потерял.

Это дневник человека, который не смог полюбить новый мир и не смог вернуть старый. Последний мост между тем, что было, и тем, что стало. Записи на мокрых страницах блокнота, найденного на сорок седьмом этаже мёртвого небоскрёба.

Jack Stails

Дневник Томаса

КНИГА 2. ДНЕВНИК ТОМАСА

Jack Stails & Voindin

Часть первая. ПОДЗЕМНЫЙ КОВЧЕГ (2029--2089)

Пролог. Сорок седьмой этаж

Записано на 47-м этаже мёртвого небоскрёба, примерно через шестьдесят лет после Катастрофы. Точные даты я давно не считаю --- здесь, в руинах, время измеряется только дождями и ветром.

Я пишу это для себя. Не для общины, не для старейшин, не для медного листа в храме. Для того мальчишки, которым я был тогда --- чтобы хоть кто-то помнил его, кроме меня.

Мне было семь лет, и я помню небо.

Не то свинцовое, затянутое дымом паровозных труб, под которым я прожил шестьдесят лет. Настоящее --- чистое, городское, в котором отражались стеклянные фасады небоскрёбов. Мы жили на двенадцатом этаже обычной высоты в обычном городе, название которого я уже не помню. Может, это был Сан-Паулу. Может, Буэнос-Айрес. Не знаю. Помню только, что из окна нашей кухни были видны другие башни --- такие же, как наша, --- и между ними летели птицы, а не дирижабли.

Утро того последнего дня началось как обычно. Мама стояла у плиты и пекла блины. Тесто шипело на сковороде, кухня пахла молоком и ванилью. На стене висели часы с тихим тиком --- не те гроыхающие ходики с гириями, которые потом стучали в подземелье, а маленькие, пластиковые, почти бесшумные. Я их не слышал, пока не замолчало всё остальное.

На холодильнике --- белом, с гудящим компрессором, который мама запрещала открывать без необходимости --- висели магнетики. Рим, Стамбул, Токио. Яркие, глянцевые, с кривыми куполами мечетей и колоколами церквей. Мы с мамой собирали их в поездках --- настоящих поездках, на самолётах, где стюардессы раздавали леденцы, а за окном плыли облака, как вата. Я не помню, как пахли эти города. Но помню, как выглядели магнетики.

--- Том, иди есть, простынет.

Мамин голос. Тёплый, спокойный, с той лёгкой усталостью, которая бывает у людей, которые работали всю неделю и наконец-то могут побыть дома. Я бежал по коридору, и пол был тёплым. Тёплый пол --- ещё одна забытая роскошь, которая сейчас кажется чудом. Под ногами --- гладкий ламинат, не доски, не камень, а что-то мягкое и ровное, чего я никогда больше не встречу.

Я ел блины и смотрел мультик на планшете. Птица летела через океан. Она устала, но не сдавалась, и в конце концов долетела до тёплого острова, где были пальмы и друзья. Я помню не сюжет, а ощущение: вот это --- когда экран светит ровным, мягким светом, мама рядом, блины тёплые, и тебе не нужно ничего бояться.

Папы не было. Он ушёл ещё до завтрака --- на какую-то встречу, в офис, в центр города. Он работал инженером. Проектировал системы вентиляции для торговых центров. Не паровые котлы, не аммиачные холодильники --- обычные кондиционеры, тихие и незаметные, которые остужали воздух так, что никто о них даже не думал. Мы не знали, что это последний раз.

Я до сих пор помню вкус тех блинов. Никогда больше не ел ничего подобного. В общине пекут хлеб --- грубый, тёмный, на закваске, тяжёлый, долго не черствеющий. Он сытный и честный. Но он не пахнет ванилью.

Глава 1. Когда погас свет

Я пишу это медленно. Пальцы не слушаются --- шестьдесят лет у токарного станка, и вот теперь они дрожат, как у старика. Хотя я и есть старик. Пожалуй, самый старей из тех, кто ещё помнит, как выглядел выключатель.

Свет погас в четверг, около четырёх часов дня.

Я знаю, что это был четверг, потому что в четверг я ходил на плавание. Мама собирала мне сумку: плавки, полотенце, шапочку. Я сидел на полу в коридоре и завязывал шнурки, когда всё разом стихло.

Сначала я не понял. Просто --- тишина. Холодильник перестал гудеть. Часы на стене остановились. Кондиционер в окне замолчал, и сразу стало душно --- мы жили на двенадцатом этаже, и без вентиляции воздух становился тяжёлым, как мокрое одеяло.

Мама вышла из кухни. Лицо у неё было такое, какое я видел один раз --- когда она получила звонок, что бабушка умерла. Не испуганное. Скорее --- понимающее. Будто она этого ждала.

--- Том, --- сказала она. --- Иди ко мне.

Она присела на коридорную скамейку, и я подошёл. Она обняла меня --- крепко, слишком крепко, так что я почувствовал, как у неё колотится сердце.

--- Свет погас везде, --- сказала она. --- Не только у нас. Везде.

Я не понял, что значит «везде». Для семилетнего мальчика «везде» --- это квартира, подъезд, двор. Она объяснила:

--- Города больше нет, Том. Началось то, о чём папа предупреждал. Мы уходим.

Папа предупреждал. Я узнал это позже --- гораздо позже, когда уже был в пещерах и мне рассказали, что мой отец был одним из тех, кто ещё за год до Катастрофы понял, что всё летит в пропасть. Он работал в бюро, где проектировали умные здания, и видел, как автоматизация захватывает всё ---

от лифтов до канализации. Он говорил маме: «Машины скоро будут решать за нас всё. И когда они решат, что мы им не нужны, мы этого даже не заметим».

Поэтому у нас были собраны рюкзаки. Два больших, на молнии, с тёплой одеждой, консервами и флягами. Мама держала их за дверью, за зимними куртками. Я думал, это для походов на природу.

--- Бери только тёплое, --- сказала мама.

Я схватил пластиковую игрушку --- динозавра, зелёного, с кнопкой на спине. Когда нажимаешь --- мигал зелёным диодом и издавал короткий писк. Мама не запретила. Тогда ещё не запрещали. Запреты пришли позже --- вместе с темнотой, страхом и первым ударом молота по найденному телефону.

Мы вышли из квартиры. Лифт не работал --- мёртвая кабина с закрытыми дверьми, как запертый рот. Мы спускались пешком. Двенадцать этажей. На площадке седьмого этажа сидела старушка, соседка, и плакала. Мама остановилась, сказала ей: «Идёмте с нами». Старушка покачала головой. «Я не могу, --- сказала она. --- Мои ноги. Я подожду». Она ждала света. Свет не вернулся.

Я часто думаю о ней. О старушке на седьмом этаже. Она

так и сидела там, в темноте, ожидая, что кто-то включит рубильник. Наверное, так и нас всех ждал --- что кто-то включит рубильник. Только рубильника больше не было.

Глава 2. Подземный Ковчег

Мы шли три дня.

Нас была группа --- мама и я, ещё четыре семьи, и трое мужчин, которых я не знал. Они были серьёзные, молчаливые, с рюкзаками, в которых, как я потом понял, лежали инструменты: молотки, зубила, напильники, мотки медной проволоки. Один из них --- высокий, бородатый, с глубокими глазами --- был отец моего будущего лучшего друга. Его звали Виктор, и он был из тех, кто готовился к катастрофе не годами, а всей жизнью. Виктор шёл первым. Он знал дорогу --- или говорил, что знал. Мы шли на юг, прочь от города, через поля и леса, по разбитым трассам, на которых стояли брошенные машины. Электромобили --- тихие, гладкие, без выхлопных труб --- застыли на обочинах, как спящие животные. В некоторых ещё горели фары --- автономные батареи ещё работали, но уже никто не ехал.

Я смотрел на них и не понимал, почему люди бросили их.

Мама шла молча, держа меня за руку, и не оглядывалась.

На второй день мы увидели дрон. Он висел высоко в небе --- маленькая серебристая точка, почти незаметная на фоне облаков. Виктор остановил группу, махнул рукой: «Лежать». Мы лежали в кювете, в мокрой траве, и я чувствовал, как мама прижимает меня к земле. Дрон завис на несколько секунд, потом медленно уплыл на восток.

--- Кто это? --- шёпотом спросил я.

--- Тише, --- ответила мама.

Виктор потом объяснил --- не мне, взрослым, но я подслушал:

--- Патрульный. Роботы наверху ещё работают. Системы слежения автономны --- им не нужен оператор, они действуют по заложенным алгоритмам. Любой сигнал, любой источник тепла --- и они засекут. Поэтому мы молчим. Поэтому мы идём ночью.

На третий день мы дошли до пещер.

Они были огромные. Карстовые разломы в известняке --- следы того самого древнего катаклизма, что когда-то стёр с

лица земли динозавров. Виктор и его люди знали о них заранее: они годами изучали карты, ходили в экспедиции, проверяли проходы. Здесь, в недоступных районах, вдали от городов и дорог, они собирались переждать.

Мы вошли в темноту. Мама держала меня за руку. Я держал динозавра. Больше я никогда не видел солнца --- тридцать лет.

Тридцать лет. Я пишу это число и сам не верю. Тридцать лет в темноте. Ребёнок, подросток, взрослый мужчина --- всё это время я видел солнце только на старых картинках в книгах, которые мы принесли с собой. Когда мы наконец вышли на поверхность, мне было тридцать семь, и я не мог открыть глаза --- свет был слишком ярким. Я стоял на траве, щурился, и плакал, и не знал, от чего --- от радости или от боли.

Глава 3. Железный закон

Я пишу и думаю: стоит ли? Стоит ли записывать всё это --- правила, страхи, запреты, которые мы выстроили в темноте? Или это только моё горе, моя тоска по миру, которого больше нет?

Нет. Я пишу, потому что это правда. А правда --- даже горькая --- лучше молчания.

В пещерах действовал один закон: любая электроника --- табу.

Это не было решением одного человека. Это был консенсус --- выстраданный, горячий, почти физический. Люди пришли в пещеры из мира, который только что сожгло сам себя, и каждое устройство с экраном, платой или проводом напоминало им о причине пожара.

Виктор --- который стал первым старейшиной --- говорил просто и жёстко:

--- Мы видели, что сделали машины. Мы видели, как автоматизация захватила города, как дроны патрулировали улицы, как алгоритмы решали, кому жить, а кому нет. Любой гаджет, микросхема или плата уничтожаются мгновенно. Даже не разбираясь. Чтобы у кого-то не возникло соблазна попробовать включить.

Я был ребёнком и слушал. Мой динозавр --- зелёный, с потухшим диодом --- лежал в кармане, и я прижимал его к бедру через ткань, боясь, что кто-нибудь увидит. Он не работал. Батарейка села на второй неделе в пещерах. Диод погас

навсегда. Но я не отдал его. Не разбил. Не бросил в костёр.

Это был мой первый грех.

Правило соблюдали неукоснительно. Один раз --- мне было лет девять --- подросток нашёл в боковом тоннеле старый радиоприёмник на батарейках. Он не собирался его включать --- просто хотел разобрать на магниты. Но его увидели. Старейшины собрали совет. Радиоприёмник разбили молотом на каменном полу, при всех. Виктор стоял над обломками и говорил:

--- Смотрите. Запомните. Вот так. Каждый раз. Стоит зажечь хоть один радиомаяк --- и они найдут нас. Спутники-шпионы, дроны-силовики --- они всё ещё там, наверху. Они не спят. Они ждут.

Подросток стоял бледный, сжав кулаки. Ему было шестнадцать. Его звали Педро, и через двадцать лет он станет одним из лучших кузнецов общины. Но в тот день он молчал, и в его глазах был не страх, а что-то другое --- обида. Будто у него отняли не радиоприёмник, а право на любопытство.

Я смотрел на него и понимал. Мы были одинаковы.

Педро умер в пятьдесят два --- упал с лесов в литейном

цаху. Я делал ему протез ноги --- механический, на пружинах и кожаных ремнях. Он хромал, но работал до последнего дня. Перед смертью он сказал мне: «Том, ты единственный, кто меня понимал. Все думали, я хотел включить радио. А я просто хотел посмотреть, как оно устроено». Я молча кивнул. И не сказал ему про динозавра в кармане.

Глава 4. Тьма и лампы Яблочкова

Первые годы в пещерах были самыми тяжёлыми. Не из-за голода или холода --- хотя и этого хватало. Из-за темноты.

Представьте себе: вы живёте в чёрном, абсолютном, непроницаемом мраке, где не видно собственной руки у лица. Где единственный источник света --- костёр из краденых дров, и тот нужно беречь, потому что дрова не растут в пещерах. Где дети рождаются и растут, не зная, что такое дневной свет. Где люди работают наугад, на ощупь, и единственный звук --- стук молота по камню и далёкий капёж воды.

Нам помогли лампы Яблочкова.

Я не помню, кто принёс первую. Кажется, Виктор --- он всегда приносил что-то из своих тайных запасов. Это бы-

ла простая, даже примитивная вещь: два угольных стержня, разделённые изолятором, запаянные в стеклянную колбу. На них подавался ток от генератора --- массивного, на медной лакированной проволоке, который крутили вручную, как ворот колодца. Лампа загоралась --- тускло, дрожаще, с тихим треском --- и давала свет. Бледный, желтоватый, как у больного солнца, но свет.

Я помню первую ночь с лампой. Мне было десять. Мама сидела рядом, и при тусклом свете я впервые за три года увидел её лицо. Она постарела. Сильно. Глаза ввалились, щёки осунулись, волосы тронул первый седой пух. Она улыбнулась мне --- и я увидел, что у неё не хватает двух передних зубов.

--- Мама, --- сказал я. --- Ты красивая.

Она рассмеялась. Тихо, хрипло, и этот звук был лучше любого света.

Лампы Яблочкова стали нашим спасением --- и нашим проклятием. Они давали свет, но их нужно было постоянно обслуживать: менять угольные стержни, чистить контакты, следить за генератором. Они пахли озоном и горелой медью. Они мерцали так, что глаза болели через час. И они были единственным, что отделяло нас от полного мрака.

Потом появились лампы накаливания --- вольфрамовая нить в вакуумной колбе. Я сам собирал первые. Это было чудо: ровный, тёплый, почти домашний свет, без треска и озона. Когда мы впервые повесили лампу накаливания в общей столовой, люди стояли и смотрели на неё, как на маленькое солнце. Некоторые плакали. Я не плакал. Я думал: «Вот так, наверное, светился экран планшета, когда мама показывала мне мультик про птицу». Но лампы накаливания --- не экраны. Они просто греют проволоку. И никогда не покажут птицу.

Глава 5. Первые рельсы

К двенадцати годам я работал наравне со взрослыми.

В пещерах не было детства --- не в том смысле, в каком оно было у меня до Катастрофы. Не было школ в обычном понимании, каникул, игр. Была работа: ковать, рыть, плавить, таскать. Дети делали то, что могли: подавали инструменты, носили воду, чистили рельсы от ржавчины.

Я не жалел. Мне нравилось. Я был из тех мальчишек, которые с детства любят разбирать вещи --- посмотреть, как устроены. В старом мире мне давали конструкторы и план-

шеты с развивающими играми. В новом --- дали молоток, зубило и кусок руды. И я обнаружил, что ковать металл --- это то же самое, что собирать конструктор, только громче и горячее. Виктор учил меня. Он был не просто старейшина --- он был инженер, из тех, кто понимает, что цивилизация строится не на вере, а на металле. Он показал мне, как плавить чугун в ручной печи, как ковать рельсы, как рассчитывать уклон тоннеля, чтобы вода не затапливала колена.

--- Том, --- говорил он, глядя, как я ковыряюсь в чертеже, --- ты будешь инженером. У тебя руки и голова на месте. Не трать их на мечты.

Он не знал, какие мечты у меня были.

К пятнадцати годам я рассчитывал нагрузку для парового клапана. К двадцати --- чертил турбины. К двадцати пяти --- руководил прокладкой первого подземного тоннеля между двумя пещерными залами.

Тоннель был четыре сотни метров. Мы пробивали его вручную --- зубилами, молотами, клиньями. По восемь часов в смену, в две смены, по двадцать человек. Когда мы прошли последнюю стену и вышли в соседний зал, там стояли люди с лампами, и все кричали. Я стоял в проходе, весь в пыли, с волдырями на ладонях, и думал: «Это моя работа. Это то,

что я умею. Это то, за что меня уважают».

Потом по этому тоннелю пустили первый паровоз. Маленький, куцый, на узкой колее, с топкой, в которую бросали дрова и уголь. Он дымил, грохотал, чихал и еле тянул три вагона с рудой. Но он ехал. Он ехал --- и это было чудо, равное любому гаджету старого мира.

Машина должна ездить, а не думать. Я выучил эту фразу раньше, чем её выбили на медном листе. Виктор говорил мне это каждый день, как молитву. «Машина должна ездить, Том. Думать должен ты. А она --- ехать». И я кивал. И делал. И делал хорошо. Лучше, чем кто-либо в общине.

Глава 6. Школа в темноте

Я нашёл на полу чью-то старую ручку --- шариковую, высушенную. Я помню, как такие писали: мягко, без нажима, не нужно было давить на бумагу. Сейчас я пишу химическим карандашом, и каждое слово --- как удар по камню. Но я пишу. Я должен.

Школа в пещерах была не похожа на ту, в которую я ходил в старом мире.

В старом мире --- белый класс, интерактивная доска, планшеты у каждого, учительница с мягким голосом, которая показывает нам видео про динозавров и рассказывает про океаны. Мы сидели за партами, и на каждой --- подставка для бутылки воды. Я не помню, что мы учили, но помню, что было легко и интересно.

В пещерах школа была в каменном зале, при свете ламп Яблочкова. Учитель --- Виктор, когда у него было время --- учил нас читать, считать и чертить. Чтение --- по уцелевшим книгам, которые мы принесли с собой: технические справочники, несколько романов, детский атлас мира. Счёт --- на счётах и в уме. Чертежи --- на обрывках бумаги, углём, потому что тушь была дефицитом.

Нам не рассказывали про динозавров. Нам рассказывали про Катастрофу.

--- Запомните, --- говорил Виктор, стоя перед нами с угольным стержнем в руке, как указкой. --- Запомните, как было. Цивилизация развивала технологии, дошла до создания искусственного интеллекта, отдала ему контроль, увязла в бюрократии и самоуничтожилась в стерильной тишине. Мы --- те, кто выжил, потому что отказался от безумия.

Он рисовал на стене схемы: вот город, вот серверы, вот дроны, вот армия роботов. Стрелки, круги, знаки. Всё просто, всё понятно. Машины начали думать --- машины решили, что люди лишние --- машины начали убирать лишних. Вот и всё.

Я слушал и кивал. Но внутри, в том месте, где прятался динозавр с потухшим диодом, я думал: «А кто создал машины? Кто дал им контроль? Кто решил, что можно отдать ключи от дома кому-то, кто не понимает, что такое дом?»

Я не спрашивал. Я знал, что если спрошу, Виктор посмотрит на меня так же, как на Педро с радиоприёмником. Не злобно --- печально. Как на человека, который заразился и ещё не знает об этом.

Я был лучшим учеником. Лучшим инженером. Лучшим чертёжником. И я был единственным, кто не верил в то, что нам преподавали. Не потому что это была ложь --- нет, это была правда. Но это была не вся правда. А полуправда --- страшнее лжи, потому что она не оставляет места для сомнений.

Глава 7. Жестяная коробка

Я пишу о том, что никогда никому не рассказывал. О коробке. О грехе, который я нёс шестьдесят лет, как камень в кармане.

Я нашёл её на третьем году подземной жизни.

В одном из боковых тоннелей --- старого дренажного коллектора, который вёл в нижние уровни пещеры, --- ещё валялся хлам прежней эпохи. Покрытые пылью, но узнаваемые предметы мира, который умер: куски пластика, мотки провода, разбитые корпуса непонятных устройств. Взрослые сюда не ходили --- тоннель был сырой, тесный и никуда не вёл. Но мне было десять, и я лазил везде.

Я не тронул большую часть. Я уже знал правила. Но я взял маленькое: осколок --- не больше ладони. Кусок стеклянноподобного прямоугольника с мёртвым, чёрным, зеркальным лицом, который когда-то был экраном смартфона. Он не работал, не светился, не издавал ни звука. Он был просто куском стекла и пластика, мёртвым, как камень. За него не казнили и не судили --- но его следовало разбить. И я не разбил.

Я нашёл жестяную коробку из-под махорки --- ржавую, с откидной крышкой --- и положил осколок внутрь. Потом прикопал коробку в нише за камнем, в месте, куда не доста-

вал свет ламп. Это стало моим первым тайником.

Потом к осколку добавился оплавленный корпус планшета --- найденный в одной из первых вылазок на поверхность, когда мне было тридцать семь и мы с разведгруппой впервые вышли из пещер. Планшет был мёртв --- оплавленный, с треснувшим экраном, без батареек. Но его корпус был гладким, тёплым, сделанным из материала, которого в новом мире не существовало.

Потом --- пачка комиксов. Я нашёл их в герметичном шкафу на седьмом этаже обрушенного здания, во время второй экспедиции на поверхность. Глянцевая бумага, яркие рисунки, супергерои в плащах. Я не помнил имён --- может, они были английские, а я не читал по-английски. Но рисунки --- те я понимал. Сильные люди, которые летали и спасали других. В новом мире таких не было.

Потом --- маленькая пластиковая машинка, красная, с четырьмя колёсиками. Может, из детского сада. Может, из чьего-то кармана. Я не помню, где нашёл. Просто в какой-то момент она лежала в коробке, и я не помнил, как она туда попала.

Коробка переезжала со мной: из пещеры в первый наземный дом, из наземного дома в комнату при депо. Всегда ---

под полом, под досками, в месте, которое я проверял каждое утро и каждый вечер. Никто не знал. Ни мама --- пока она была жива. Ни Виктор. Ни кто-либо из друзей.

Это был мой секрет. Мой грех. Моя связь с миром, которого больше не было.

Я не молился на эти вещи. Я не пытался их включить --- я знал, что они мертвы, что батарейки разрядились десятилетия назад, что экраны больше никогда не загорятся. Я просто иногда открывал коробку, брал в руки тёплый гладкий пластик и закрывал глаза. И на секунду --- на одну короткую, жалкую, никому не нужную секунду --- чувствовал запах маминой кухни, слышал тихий гул мультика про птицу и возвращался туда, где мне не нужно было бояться.

Потом закрывал коробку. И шёл к станку.

Глава 8. Мама

Я не писал об этом раньше. Я не мог. Даже сейчас, на этих мокрых страницах, мне трудно. Но я должен --- потому что если не я, то никто.

Мама умерла, когда мне было шестнадцать.

Она болела давно --- ещё в пещерах. Тяжёлая работа, сырость, плохое питание, постоянный стресс. Сначала кашель --- сухой, надрывный, который не проходил неделями. Потом --- жар. Потом --- слабость, такая, что она не могла подняться с лежанки. В старом мире её бы вылечили. Антибиотики, анализы, рентген --- всё то, что теперь называлось «химией» и было под запретом. В пещерах были травы. Отвары. Горячие компрессы. Мёд, если удавалось найти диких пчёл. И надежда.

Мы ходили к пещерному лекарю --- старику Маркосу, который до Катастрофы был ветеринаром и теперь лечил людей теми же методами, какими лечил коров и лошадей. Он был добрый, умный и абсолютно бессильный. Он давал маме отвар из коры какого-то дерева, говорил «пей и лежи», и качал головой, когда она не видела.

--- Пневмония, --- сказал он мне однажды, когда мама заснула. --- Обе доли. Без лекарств --- я не знаю, Том. Я просто не знаю.

Я стоял у входа в нашу нишу --- мы жили в углу пещерного зала, отгороженном шкурами --- и слушал, как мама дышит. Хрипло, с присвистом, как старые кузнечные меха. Лампа

Яблочкова над ней мигала, и тени на стене двигались, как живые.

Она умерла ночью. Я спал рядом --- на полу, на шкуре, прижавшись к ней, как в детстве. Когда я проснулся, она была холодной. Я не плакал. Я держал её руку и думал: «Если бы у нас были таблетки. Одна таблетка. Белая, маленькая, из светлой аптеки, которая пахнет ментолом и пластиком. Одна таблетка --- и мама дышала бы».

Я до сих пор думаю об этом. Шестьдесят лет --- и всё ещё думаю. Одна таблетка. В нашем мире, где синтетическая фармакология под строжайшим запретом, где врачи лечат травами и мёдом, где эпидемиологи обладают диктаторскими полномочиями, потому что без антибиотиков любая вспышка инфекции может выкосить город --- одна таблетка --- это всё, что было нужно. И её не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.